

ЛЕНИНСКИЕ ПРЕМИИ — ДОСТОЙНЫМ

ГРУЩУ О САЛЬЕРИ

НИКОЛАЙ Константинович Симонов читал «Петра», читал знаменитый свой монолог «После великих побед наших над шведами...». В обычном костюме, без грима и парика стоял он перед нами. И мы были уже не мы, — зрители, а «господа сенат», и он был нашим Петром Первым.

Будь им даже сыграна одна только эта роль, хорошо знакомая мил-

лионам по известному фильму, и тогда его ждало бы всеобщее признание. Но мы знаем еще симоновского Протагова, Астрова, Сальери, Маттиаса Клаузена.

Бывает такое, человек вышел на сцену, и вы уже захвачены стихией творчества. Зрители полюбили ту атмосферу особой взволнованности, романтического подъема, творческого увлечения, что неизменно создает само присутствие Н. Симонова на сцене. Сказывается в симоновской сценической неповторимости ценнейшая черта современного актерского искусства —

личная заинтересованность, личный контакт между образом и творцом. Выражение цельности и могучей скрытой силы, жизнелюбия, высокий интеллект, лиричность, необычайное обаяние — вот те черты, которыми Николай Симонов наделяет своих героев. Каждую роль свою он творит из жизни — вот почему все они начинаются издалека. Вот почему нельзя пройти мимо самой биографии актера — самарского гимназиста, студента Петроградской академии художеств (надо сказать, и сейчас Симонов отдает живописи все свободное время) и, наконец, неожиданно для многих — артиста, сохранившего умение живописца видеть особенное и неповторимое в том, что кажется привычным и неизменным.

Сколько раз играли на сцене

«Моцарта и Сальери», сколько раз разоблачали вероломство и жестокость Сальери! Приступая к репетициям пушкинской трагедии, Симонов написал картину: за столом двое — опустив голову на скрещенные руки, будто раздавленный сознанием своей вины Сальери; Моцарт рядом, вдохновенный и трагический. Ни в одной из мизансцен спектакля нет и намек на композицию картины, но есть между ними внутренняя связь, и в основе ее нравственное состояние Сальери, трагедия которого началась раньше, чем вызванная им трагическая гибель Моцарта. Что-то глубоко человеческое заставляет вновь и вновь всматриваться в Сальери на полотне и не позволяет отвести взгляда от Сальери сценического. И то, что лишь намечено в карти-

не, поразительно развивается на сцене. Симонов — Сальери — огромный, необычный по своим духовным масштабам человек, который богаче собственной «глухой славы». Симонов играет Сальери смятенного, желающего верить в свою значительность и не верящего в нее окончательно, сраженного сознанием той истины, что «гений и злодейство — две вещи несовместные».

Рядом с пушкинским Сальери — Маттиас Клаузен, герой драмы Гауптмана «Перед заходом солнца». В драме, законченной Гауптманом на пороге фашизма, Симонов сыграл и написанное и только подразумеваемое автором. Он расширил тесные рамки семейной драмы, скорбя о великой и славной

эпохе накануне ее подлого разрушения, и превратил своего героя в символ общечеловеческой трагедии конца.

Симонов — это художник, тесно связанный с нашей действительностью всей своей творческой биографией, умудренный опытом истинно революционного искусства. Революция учит размаху, энергии, устойчивости. Отсюда умение точно выбирать сильнейшее и необходимое в классическом наследии. Именно его работы в классическом репертуаре выдвинуты на соискание Ленинской премии, именно с ними связаны новые творческие замыслы этого замечательного актера и благородного человека.

Г. НЕВЗОРОВА.

ЛЕНИНГРАД.